

О бедах современного русского языка

В ПРОШЛОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА («СПБУ» №8 ОТ 20 МАЯ 2008 Г.) МЫ НАЧАЛИ РАЗГОВОР О ВОЗРОЖДЕНИИ ДУХОВНОСТИ И НРАВСТВЕННОСТИ В НАШЕЙ СТРАНЕ. КРУГЛЫЙ СТОЛ НА ЭТУ ТЕМУ, СОСТОЯВШИЙСЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ В КОНЦЕ АПРЕЛЯ, ВЫЗВАЛ БОЛЬШОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕЗОНАНС. ВО ВРЕМЯ ДИСКУССИИ В ПЕТРОВСКОМ ЗАЛЕ ПОДНИМАЛИСЬ МНОГИЕ ОСТРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ — В ТОМ ЧИСЛЕ И ПРОБЛЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА. СЕГОДНЯ В НАШУ ДИСКУССИЮ ВКЛЮЧАЮТСЯ ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОЛОГИИ И ИСКУССТВ Т.А.ИВАНОВА (О ЕЕ НЕДАВНЕМ ЮБИЛЕЕ МЫ ПИСАЛИ В «СПБУ» №4 ОТ 28 МАРТА) И СТУДЕНТ ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ОЛЕГ ФЕДОРОВ.

*Милой Ксении Геннадьевне Кадошкиной
с пожеланием принять участие в дискуссии
о Бедах современного русского языка Т.А.Иванова*

Русский язык — «великий и могучий»? Думается, что И.С.Тургенев был совершенно прав, дав нашему языку эти почти всем известные определения. Но в наше время он стал, к глубокому сожалению, еще «униженным и оскорбленным». Кем? Да нами же, его носителями.

За примерами ходить недалеко. Они у всех на виду: в газетах и других печатных источниках; а также и на слуху: на радио и телевидении.

Так, относительно недавно на страницах газеты «Известия» дважды были опубликованы образцы молодежного сленга. Вначале школьников: «Ты на кого, питекантроп, батон крошишь?», а затем студентов: «Палево! Палево, братаны! Препад наш ластами прям к нам подгребают!». На той же странице ответственный секретарь приемной комиссии Московского государственного института электроники и математики высказал свою озабоченность тем, что студенты «вообще разучились говорить».

Однако это еще не беда: молодость всегда была падка на всякие вольности, в том числе и языковые. Это всего лишь «детская болезнь», которая, как и все детские болезни, пройдет с возрастом, или, как сказал бы А.С.Пушкин, когда минует пора «юности мятежной».

Правда, вслед придут новые поколения юных мятежников, но уже со своими новыми, так сказать, «прибамбасами». Но я все-таки не теряю надежды, что нас минует горькая участь преподавать наш великий и могучий русский язык как иностранный.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

Ну, а взрослые? Как они говорят и как пишут? Причем не безликая масса (школьники и студенты), а «мастера пера» — писатели, журналисты и другие представители творческой и иной элиты.

Вот, к примеру, несомненно талантливый обозреватель-фельетонист «Известий» М.Соколов. Он не может изложить свои мысли, не показав при этом читателям всей своей учености, включая в свои публика-

ции иноязычные «крылатые выражения» типа *à la guerre comme à la guerre*, или иные устойчивые словосочетания, а также многочисленные заимствования самого последнего времени.

С некоторого времени, не берусь уточнить с какого, редакция «Известий», возможно, по просьбе читателей, стала снабжать изысканности стиля М.Соколова своим собственным редакционным переводом: «Другой *chef de la conspiration*... (руководитель заговора (франц.) — «Известия»); «...найти алгоритм третьего срока — задача заманчивая, открытие, может быть, любопытнее, чем найти *perpetuum mobile* (вечный двигатель — «Известия»»).

Не берусь утверждать, что именно М.Соколов ввел в употребление слово *креативный*, которое даже побудило одного любознательного читателя «Известий» обратиться к словарям иностранных слов, чтобы определить его значение («Известия»: Обратная связь). Однако там он обнаружил лишь давно укоренившееся в русском литературном языке слово *креатура* в значении «ставленник влиятельного лица, являющийся послушным исполнителем воли своего покровителя» (Словарь иностранных слов, 1949). Вместе с тем несомненно и то, что именно М.Соколову принадлежит популяризация новообразований, однокоренных с этим латинизмом, в том числе и ныне модного прилагательного *креативный*.

Так, в «Субботнем фельетоне» мы находим целый букет новообразований от этого корня. Здесь оказалась, само собой, и «креативная идея», и существительные: «недостаток *креативности*», «мощь *креатива*», вынесенная в заглавие фельетона, и даже глаголы: «*креативит*», «чего еще *накреативит* мужественная женщина», использовавшая в дискуссии «изрядно пожухлые лондонские разработки». (Здесь и далее в цитатах курсив мой. — Т.И.) Следовательно, оказывается, что «креативная идея» не просто творческая, но в некотором смысле и созданная по заказу, как и положено «ставленнику влиятельного лица», то есть *креатуре*, кем и является, по М.Соколову, И.М.Хакамада, так как речь в фельетоне идет именно о ней.

Разумеется, я прошу прощения у нее, а также у автора фельетона, если я неправильно и неправомерно истолковала его намеки. Но, к сожалению, иногда понять «эзопов язык» М.Соколова действительно весьма затруднительно.

И чем, собственно, лучше неологизм-гибрид М. Соколова «*накреативит*» выразительного русского соответствия «*натворит*» в значении, отмеченном в «Словаре современного русского литературного языка» (т. 7, стл. 574): «наделать чего-либо (обычно предосудительного, плохого)», для меня остается загадкой.

А ведь не только он один, снова повторюсь, безусловно талантливый журналист, злоупотребляет заимствованными словами. Этим грешат почти все его собратья по перу.

Вот и А.С.Грибоедов в своем бессмертном произведении отметил характерное для его времени «смешенье языков: французского с нижегородским». Однако сам он написал свою комедию на великолепном русском языке, многочисленные цитаты из которой стали «крылатыми словами», превратились в пословицы и поговорки, о чем провидчески писали уже Пушкин и Белинский (Русские писатели о языке. 1954: 111, 226).

Естественно, что в наше время, когда английский язык стал средством международного общения, значительно возросло его проникновение в разные языки мира, в том числе и в русский язык. И снова происходит «смешенье языков», теперь уже «английского с московским», И на память приходят слова автора «энциклопедии русской жизни», некогда мудро писавшего:

*Но панталоны, фрак, жилет
Всех этих слов на русском нет.
(«Евгений Онегин», гл.1, строфа 26).*

Подражая ему, и мы уверенно скажем, что

*Сайт, компьютер, интернет —
и этих слов на русском нет.*

Пройдет время, и многое из того, что теперь представляется излишней варваризацией, либо канет в Лету, либо будет ассимилировано великим и могучим русским языком. Но, конечно, это произойдет не сегодня и не завтра...

СКВЕРНОСЛОВИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ

Настоящая беда пришла к нам тогда, когда самая разнообразная элита нашего общества, его так называемые «сливки», обогатила свой словарь «блатной музыкой» и ввела в его состав ненормативную лексику, ранее считавшуюся недопустимой и невозможной.

Все в тех же «Известиях» в связи со скандальным выступлением Ф.Киркорова на пресс-конференции в Ростове-на-Дону были опубликованы результаты социологического опроса фонда «Общественное мнение» (ФОМ).

Вполне возможно, что эти результаты для кого-то и недостаточно репрезентативны, однако, с моей точки зрения, они все же отражают общественное мнение по затронутому вопросу. Так, на вопрос: «Используют ли Ваши знакомые в своей речи нецензурные выражения?» — две трети опрошенных (67%) ответили: «Да».

На вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что ненормативную лексику нельзя использовать ни при каких обстоятельствах?» — те же 67% ответили: «Да, нельзя». И, наконец, на вопрос: «Приходилось ли Вам слышать, как известные люди употребляют нецензурные выражения (в выступлениях на радио, телевидении)?», снова почти столько же респондентов (64%) ответили: «Да».

Вот и мне, к сожалению, приходится присоединить свой голос к этим печальным результатам опроса ФОМ.

Однако прежде чем перейти к конкретным фактам современного словоупотребления, остановлю внимание на том, как в далеком XIX веке и значительно позже передавалась на письме ненормативная лексика «великого и могучего» русского языка, на котором была написана такая же великая и могучая русская литература. И хотя конкретные способы замены ненормативной лексики общеизвестны, перечислю их, снабдив выразительными примерами.

Прежде всего это многочисленные образования с приставкой *не-*, подчеркивающей негативное отношение говорящих или пишущих к подобному слою лексики.

Например, Г.И.Успенский, изображая «нравы Растеряевой улицы», пишет: «Мастеровой почти залпом пьет три больших стакана по пятаку и обдаёт всю компанию целым проливнем *нецеремонной* брани...»

Или М.Е.Салтыков-Щедрин в «Пошехонской старине» (гл.VIII: «Тетьенька Анфиса Порфирьевна»), описывая уже нравы крепостников-помещиков, вкладывает в уста Савельцева, мужа тетьеньки, служившего к тому же «в полку» командиром роты, «целый поток *непечатных* ругательств».

А.Л.Н.Толстой, включив в текст романа «Воскресенье» (ч.III. 2) факт, описанный в книге Д.А.Линева «По этапу», заметил, что конвойный офицер «не переставая произносил неприличные грубые ругательства... — я тебя (неприличное ругательство) научу рассуждать (опять ругательство)».

Вот и А.П.Чехов уже в самом начале повести «Дуэль» дает такую характеристику ее главному герою: «Лаевский пил много и не вовремя, играл в карты, презирал свою службу, жил не по средствам, часто употреблял в разговоре непристойные выражения...» (гл. I).

В качестве замены бранных слов использовались и слова с негативной семантикой: гнусный, похабный, скверный и подобные им, включая заимствования: скабресный и вульгарный. От последнего слова был даже образован лингвистический термин — *вульгаризм*: «слово или выражение, свойственное фамильярной или грубой речи»; *вульгарный* — относящийся к сниженному стилю, *грубый*... Вульгарная лексика. Вульгарный оборот. Вульгарное слово (Ахманова С.С. Словарь лингвистических терминов. 1966); «*Вульгаризм* — грубое слово или выражение, не принятое в литературном языке» (Словарь иностранных слов 1949).

Например, в той же VIII главе «Пошехонской старины» крепостная «раба» тетеньки говорит: «Нехорошо у них: даже мне, рабе, страшно показалось. Ходит этот Фомка по двору, скверными словами ругается».

Вот и А.И.Куприн заметил, что «в закулисных нравах домов терпимости» наблюдается «щегольство похабными словами» («Яма», ч. I, гл. 4). А И.А.Бунин для этого слоя лексики использует эпитет, хорошо известный и широко употребительный и в наше время: «Старик-извозчик, стоявший подле, стал стыдить его, казак выхватил шашку... с матерной бранью кинулся по улице...» («Деревня», II).

К предыдущему разряду примыкают слова, имеющие также негативную семантику, однако получающие ее лишь в переносном значении: грязный и грубый, заборный и площадной, крепкий и сильный, сальный и соленый и тому подобные.

Например, Н.В.Гоголь в «Мертвых душах» описывает допрос, учиненный капитаном-исправником пойманному им «беспашпортному»: «Чей ты? — говорит капитан-исправник, ввернувши тебе при сей верной оказии кое-какое крепкое словцо», повторяя это самое «кое-какое крепкое словцо» еще не один раз во все время недолгого допроса.

В той же главе «Мертвых душ» Чичиков, направляясь «в палату за совершением купчей крепости», увидел «длинные заборы с известными заборными надписями и рисунками, нацарапанными углем и мелом».

Вот и А.И.Герцен в «Былом и думах» (ч. II, гл. 13) заметил, что генерал Муравьев, принадлежавший, по его собственным генеральским словам, «не к тем Муравьевым, которых вешают, а к тем, которые вешают, ... говорил арестантам «ты» и ругался площадными словами».

Наконец, следует отметить выразительное и часто красноречивое умолчание ненормативной лексики, то есть многозначительный намек, доступный пониманию «опытного» читателя. Например, в «Яме» А.И.Куприна: «Помощник (пристава. — Т.И.) так прямо и предупредил: «Если вы, стервы, растак-то и растак-то, хоть одно грубое словечко или что, так от вашего заведения камня

от камня не оставлю, а всех девок перепорю в участке и в тюрьме сгною» (ч. I, гл. 12).

Что же касается собственно ненормативной лексики, то есть «матерной» (по-народному) и «матизмов» (по-ученому), то она употреблялась в языке русской литературы крайне редко, лишь в прямой речи персонажей, с использованием многооточия и притом всегда художественно оправданно. Вот героиня романа Л.Н.Толстого «Воскресение» Катюша Маслова, безвинно осужденная к каторге, к тому же в сильном подпитии, бросает в лицо виновнику всех своих ужасных жизненных несчастий Нехлюдову: «... Я каторжная, б..., а вы барин, князь, и нечего тебе со мной мараться. Ступай к своим княжнам, а моя цена — красненькая» (ч.1, гл. 48). Как видим, это даже не скверная ругань, а лишь констатация трагического факта ее сломанной жизни.

Подобное написание этого слова находим и в «Яме» А.И.Куприна, но уже в качестве «матерной» брани, которую используют и посетитель «заведения» — актер, и несчастная жертва «общественного темперамента» — пьяная Манька Беленькая, она же Манька Скандалистка: «— Молчи, б...! — завопил исступленно актер (...). «Сам ты б...!», (ч. I, гл. 11) — получил он в ответ от прости-тутки.

Итак, весь приведенный выше материал со всей очевидностью свидетельствует о том, что «безмата», действительно, нет и не было русского языка. Сквернословие было в употреблении разных слоев русского общества: и «простонародья», для которого «матерная» лексика была обычной частью его обиходного языка, и крепостников-помещиков, и «военного сословия», и опустившейся интеллигенции, и, что вполне естественно, на его, общества, «дне» и в «яме».

Но при этом то негативное отношение к «матерной» лексике, которое убедительно отражено в приведенном выше материале, сложилось у носителей русского языка значительно раньше. По данным исторических словарей, оно было уже известно задолго до XIX века. Так, в приписке XVII в. к Паремейнику 1370 г. находим «Увещание отъ пьянства и отъ матерного слова» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 1982). Точно так же в недавно вышедшем «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» содержится обильный материал на слова *брань*, *бранить*, *браниться* и другие, подтверждающий наши данные (Словарь обиходного русского языка...СПб, 2004).

НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА: СОВРЕМЕННЫЕ ВАРИАНТЫ

Обратимся теперь к современному словоупотреблению. Разумеется, и в современном русском языке по-прежнему сохраняются все вышеотмеченные возможные замены «сквернословия», то есть собственно ненормативной лексики. Вот, например, некий военный чин, вынужденный по службе общаться с недавно призванным пополнением российской армии, сетовал на то, что ему «приходилось прибегать к неуставным, но доходчивым выражениям» (Информационная программа «Сейчас», СПб).

В этой реплике используются сразу два, так сказать, «неологизма», которые недвусмысленно показывают, что русский литературный язык для понимания современных призывников уже не доступен. «Доходчивой» для них является, к сожалению, ненормативная лексика.

Казалось бы, что и в этом случае «юных мятежников» можно было бы извинить: для некоторых из них это, действительно, лишь «детская болезнь», или в данном случае «юношеское поветрие». Но простить их бывает достаточно трудно. Например, когда из-под их «пера» заборная лексика, явно не печатная, а рукописная, переместилась с заборов на другие плоскости, пригодные для письма, включая стенки лифтовой кабинки, используемой писателями иногда, увы, вовсе не по назначению.

Но оставим в покое юных мятежников и обратимся к «дискурсу» (речи) зрелых мужчин и дам, как «приятных во всех отношениях», так и даже не очень приятных.

Вот известный депутат-эксцентрик, эдакий шестидесятилетний *enfant terrible*, и его в то время «правая рука» А. Митрофанов в двух разных передачах Первого канала Центрального телевидения разъясняли нам, почему в их партии нет женщин («Пять вечеров» и «Основной инстинкт»).

Оказывается, что в кулуарных заседаниях этой партии постоянно ведутся дискуссии с использованием чисто мужской лексики, непозволительной в обществе женщин. Вот ведь как! Но не поймешь, трогательная ли это забота о женщинах или забота о собственном комфорте?! Во всяком случае, после этих разъяснений мы в полном праве добавить еще один «синоним» к заменам ненормативной лексики в современном русском языке — «кое-какое крепкое» мужское слово. Но В.Жириновский и А.Митрофанов, конечно, лукавят, так как на огромном пространстве России найдется достаточно большое количество особ женского пола, вполне освоивших мужскую лексику и охотно ее употребляющих. Так неужели среди них нельзя отыскать с десяток таких, которые будут «достойно» представлять ЛДПР в парламенте и без всякого смущения участвовать в чисто «мужских» дискуссиях? И не надо затруднять себя поиском их по всей России, достаточно обратить свое внимание лишь на обитательниц Рублевского шоссе в ближнем Подмосковье.

Естественно, что разнообразные и многозначительные умолчания также используются в современном языке. Например, М.Соколов любезно расшифровал своим читателям любопытную аббревиатуру ППР как «посидели, по(говорили), разошлись» («Известия»).

Вот и Людмила Улицкая в своем романе «Искренне ваш Шурик», вполне осознавая, что читателю ее крас-

норечивое и умышленное умолчание совершенно понятно, все же посчитала необходимым кое-что добавить. Это добавление писательницы относится к речевой характеристике «обкомовского секретаря», который отлично знал «по своей обкомовской привычке все слова от А до Я» («Искренне ваш Шурик», гл. 22). Так неужели Л.Улицкая не знает того, что «обкомовская привычка», она же начальственная, возникла задолго до того, как появились на Руси эти самые «обкомы», благополучно преданные сегодня забвению? А «все слова от А до Я», на которые намекает автор, в толковых словарях русского литературного языка, начиная со «Словаря Академии Российской» 1794 года до современного «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, не указаны. Правда, сегодня уже имеются и специальные словари ненормативной лексики от А до Я, изданные разными авторами неоднократно.

Но зачем же обременять и затруднять читателя обращением к этим словарям? Не проще ли прямо и откровенно назвать все своими именами, не прибегая ни к каким «заменам», ни к выразительному «умолчанию»? Ведь делают же это сегодня многие писатели, журналисты и иные «мастера пера»!

НАПЕЧАТАННОЕ НЕПЕЧАТНОЕ

Вот, например, три известных автора (В.Шендерович, А.Проханов и Л.Улицкая), отнюдь не порнографы и матерщинники, а, напротив, не обделенные талантом, употребляют в своих опубликованных (то есть *напечатанных*) произведениях одно и то же некогда *непечатное* слово. Справедливости ради, заметим, только в прямой речи персонажей, подчеркивая лишь этим некую его ненормативность. Слово это вместе с тем некогда являлось эвфемизмом, то есть тропом, состоящим «в непрямом и прикрытом... обозначении какого-либо предмета или явления» (Ахманова 1966) и восходило к названию одной из букв древнего славянского алфавита, которое в свою очередь представляло собой сокращение, возможно, арамейского по происхождению грецизма — *херувим*. Ср. у Н.С.Лескова в «Соборянах» (ч.IV, гл. 2) употребление этого слова лишь в качестве знака перечеркивания, тождественного не только начертанию этой буквы, но и ее имени: «... владыка решение консисторское о назначении следствия... синим хером перечеркнули». Или у Ф.М.Достоевского в «Братьях Карамазовых» (ч.II, кн.4, гл. 1): «— А грузди? — спросил вдруг отец Ферапонт, произнося букву г придыхательно, почти как хер».

Обратимся теперь к текстам названных выше авторов. В.Шендерович, согласно с установившейся в XIX веке традицией, использует в написании злополучного «херувима» многоточие: «Пошел на...! — крикнул ему из зала самый чуткий на фальшь строитель» («Ничего кроме правды»).

Само это написание несомненно свидетельствует о том, что некогда бывший эвфемизм утратил свое «эвфемистическое» значение и давно превратился в русском языке, как заметил А.Проханов, «в грубое мужское ругательство». Однако и сам А.Проханов, и Л.Улицкая, пренебрегая многоточием, вводят полное написание этого бывшего эвфемизма в прямую речь своих персонажей.

У А.Проханова это слово прозвучало «из уст веселой игривой *девчушки*»: «— Давай, Сонька, меняться!» ... —

«Хер тебе, — ответила рыжая...» («Господин Гексоген», гл. 6). Из дальнейшего мы узнаем, что «рыжая Сонька» — несчастная малолетняя проститутка, которую «родители, пьяницы, цыганам продали, а она сбежала и здесь топчется», попав «под покровительство» подонка-сутенера Ахмета.

У Л.Улицкой то же «грубое мужское ругательство» произносит в некотором отношении мой коллега — преподаватель известного московского вуза, «Менделеевки», в которой некоторое время учился герой романа Шурик. После того как он поставил Шурику «зачет», расписавшись в зачетке, он произносит: «— А ведь ни хера, Корн, не знаешь». («Искренне ваш Шурик», гл. 14). Единственным «оправданием» такого словоупотребления моего коллеги может служить лишь то обстоятельство, что он был «начинающим алкоголиком» и в тот момент, когда вручал Шурику зачетку, уже был, что называется, «навеселе».

Но отложим в сторону беллетристику, употребление ненормативной лексики в которой авторы могут объяснять эстетическими соображениями. Не будем и рассматривать продукцию заведомых порнографов и матерщинников.

Обратимся теперь к устному словоупотреблению, известному нам благодаря радио и особенно телевидению, доступным сегодня для большинства нашего общества. И в этом случае нам приходилось не раз и не два слышать ненормативные слова и словечки в разных передачах, именуемых сегодня «шоу». Именно поэтому пришлось вновь возродить *глушилки*, получившие даже специальное название — неологизм «бипы».

Вот, например, театральная общественность в апреле 2004 г. широко отмечала 60-летний юбилей Олега Янковского, на котором пришлось использовать эти самые «бипы» при выступлении Л.Ярмольника. Сам же Л.Ярмольник уже в другой телепередаче («Пока все дома» 8.08.04) объяснял нам, какой он на самом деле «белый и пушистый», а его сквернословие — лишь «маска разнузданного легкомыслия».

К сожалению, эту маску надели на себя и многие другие его коллеги по творческому цеху. Вот в гостях у «Школы злословия» известный кумир рок-культуры и творческой элиты — БГ (Борис Гребенщиков). Младшая из ведущих, обращаясь к гостю, говорит: «Боря, но ведь ты всегда был порядочный *раздолбай*». К слову за-

метим, что вульгаризма *раздолбай* нет ни в Большом, ни в Малом академических словарях, ни в Словаре С.И.Ожегова.

БГ, конечно, даже не пытается возразить против такого определения собственной персоны и заканчивает свое общение с дамами под звуки *глушилки*: «Иногда я думаю, что всё, что я делаю ...» (*bun—bun—bun*).

Следует отметить, что в наше время, кроме *глушилок*, используются еще относительно новые эвфемизмы: *хрен* и *блин*.

Вот, например, А.Кончаловский участвует в дискуссии на тему «Черный квадрат» Казимира Малевича — обман». Разделяя именно эту точку зрения, он заявляет: «Хрен поймешь, что здесь изображено!» («Культурная революция»). Или одна из ведущих «Школы злословия» сообщает: «Муж говорит мне: «Ты посмотри, *блин*, какую ему птицу дали и какую нам». Сравни то же в молодежном сленге: «Они и говорят со своей аудиторией на одном языке: «Она любит Пашу, а он любит Дашу, вот *блин*, ё-мое» (И.Петровская. «Он один такой», «Известия»).

Естественно, что *хрен* в данном случае вовсе не тот, что «редьки не слаще», а *блин* также не тот, которым православный люд издавна лакомился, справляя языческую масленицу.

Иногда мне кажется, что «маску разнузданного легкомыслия» надели на себя даже те деятели телевидения, которые, кроме всего прочего, являются и «госслужащими». Так, М.Швыдкой, еще будучи в ранге министра культуры, предложил для обсуждения в широкой аудитории такие провокационные темы, как «Без мата нет русского языка» и «Великий и могучий — никому не нужен».

Согласимся, что эти темы кого-то в нашем обществе действительно беспокоят. Но необходимо ли их публичное обсуждение? И к чему оно может сводиться? С одной стороны, к обвинению в ханжестве, лицемерии и даже в паранойе тех, кто с этими постулатами не может согласиться («Эхо Москвы»). Или, с другой стороны, к утверждению провокационности самой постановки таких тем на канале «Культура». Но, к сожалению, сторонников последней точки зрения почти не слышно. К словам же академика В.Г.Костомарова и учителя московской школы № 57 С.Волкова («Культурная революция»), прославленной певицы Г.Вишневской («Момент истины») и известной телеведущей С.Моргуновой («Апокриф») почти никто не прислушивается.

В свое время А.М.Селищев — «летописец» (именно так назвал он себя в одной собственноручной дарственной надписи на своей запрещенной и изъятой из употребления книге «Язык революционной эпохи» — В.М.Алпатов. Книга А.М.Селищева «Язык революционной эпохи и ее особенности» // А.М.Селищев и современная филология. Елец, 2003) языка революционной эпохи — отметил широкое распространение ненормативной лексики лишь в среде фабричной и деревенской молодежи, полуграмотной и даже неграмотной в своем большинстве (Селищев А.М. Язык революционной эпохи. М., 1928).

Теперь же большинство завсегдаев разнообразных теле- и радиопередач, все эти «раздолбай» и «веселые и находчивые» циники, почти поголовно получившие высшее образование, *щеголяют* некогда запрет-

ными словами. А ведь прежде такое щегольство позволяли себе лишь обитательницы домов терпимости и их гости, что уже было отмечено мною выше.

И кажется, что живем мы сегодня не в XXI веке, а как и прежде, в глухом щедринском «пошехонье». А это уже настоящая беда, или, продолжая медицинские сравнения, — «дурная болезнь», поразившая наше общество. И хочется повторить слова С. Моргуновой: «Стыдно и горько, дамы и господа! Стыдно и горько!»

Завершая свое «увещание от матерного слова», хочу напомнить всем две мудрые поговорки русского народа: «слово не воробей: вылетит — не поймаешь» и «что написано пером — не вырубишь и топором».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Заметку о бедах нашего языка я написала несколько лет тому назад. Но сегодня, когда я располагаю некоторыми новыми материалами, у меня появилась потребность добавить кое-что к уже опубликованному: «и пальцы тянутся к перу, перо к бумаге».

«Умераед зайчег мой». Именно такое любопытное заглавие дал своей публикации корреспондент «Известий» К.Денисов. Касаясь вопроса о молодежном сленге, я в своей заметке писала о том, что новые поколения «юных мятежников» принесут в русский язык свое новое слово. Но вот случилось это еще до смены поколений, буквально сегодня, так как считалка, в которой «умераед зайчег мой», всюю «гуляет по интернету» и, к сожалению, не только там.

Если же быть совершенно точной, это произошло, с точки зрения К.Денисова, «3 февраля 2006 года в 12.12 по московскому времени», когда один из пользователей интернета, некий г. Lobbz, употребил слово *Превед!* «с двумя намеренно (курсив мой. — Т.И.) сделанными ошибками». Сделал же это, конечно, не «неуч», но человек, который знает русский язык «не

хуже нас с вами», уважаемые мои читатели. И это умо- заключение К.Денисова совершенно справедливо. И никакой новой фонетики в написании *превед* нет. А кто придерживается иной точки зрения, тот глубоко заблуждается.

Это лишь остроумная и веселая игра в орфографию, основанная на знании законов русской фонетики. А как известно, по этим законам звонкие согласные звуки в конце слова «оглушаются», то есть звонкий звук [д] переходит в глухой звук [т] (ср. пишем *сад*, а произносим [сат]). А гласный звук [е] в предударном слоге изменяется в [и] (ср. пишем *весна*, а произносим [висна]). Таким образом, если «интернетское» словечко произнести, то пресловутый *Превед!*, именно по законам русской фонетики, неминуемо преобразуется в исходный *Привет!* Следовательно, это всего лишь «коверканье» орфографии, а никак не языка. И у меня эта «абсурдистская штука» вызывает только смех. Или, выражаясь на молодежном сленге, это очень «прикольно», и я «ржунимагу» (мне очень весело).

Так же как когда я читала превосходные строки Б.Заходера, некогда написавшего:

*В каждом роде,
Числе,
Падеже —
Шимпанзе — он всегда
Шимпанже.
Ой, простите, ошибся!
В любом падеже —
Он всегда и везде
Шимпанзде!*

А г. Lobbz, как мне представляется, всего лишь один из подражателей того же Б.Заходера или других писателей, радовавших нас некогда своими «абсурдистскими штучками».

«На каком языке мы говорим?» Этот вопрос был задан читателям одной из многочисленных питерских газет — «Великая эпоха», опубликовавшей в разделе «Юмор» заметку именно под таким заглавием со ссылкой на журнал «Наука и жизнь», откуда она была перепечатана, но без указания имени автора.

Если бы мне задали такой вопрос, не ознакомив меня предварительно с содержанием заметки, я бы уверенно ответила: на русском языке со всеми его бедами, болезнями и напастями.

Ан нет, в заметке анонимного автора речь идет совсем о другом языке, а точнее — о жаргоне. Автор — начинающий журналист — берет интервью у одного из телеведущих и, естественно, спрашивает его, не трудно ли ему вести передачу, а в ответ слышит: «Я не ведущий, я шоумен. И передачи, знаете, в тюрьму носят, а у меня здесь ток-шоу. <...> Да вы не волнуйтесь, это я на экране такой сердитый. Ничего не поделаешь — имидж. Знаете, сколько имиджмейкеров над ним трудилось? Ведь сейчас ни один серьезный продюсер или дистрибьютор с тобой без имиджа и разговаривать не будет. Даже пилотный выпуск сделать не успеешь. Только стрингером в таблоиде позволять работать».

А далее пошло-поехало: клип и клипмейкер, ремейк и саундтрек, перформанс и хэппенинг и так далее, и тому подобное.

Действительно, на каком языке говорит герой юморески? Естественно, на жаргоне, перенасыщенном заимствованиями. Любопытно, что для подобных жаргонов, в данном случае — телевизионщиков, уже и новые термины созданы. Так, известный петербургский журналист и критик Михаил Трофименков в журнале «Пульс твоего города» воспроизвел на первой его странице броскую надпись: «Ду ю спик *russlish?*» А в передаче телеканала «СТО» (СПб) «В начале было слово» эти жаргоны именуется «*русинглишем*».

В заключение я приведу слова того же М.Трофименкова, с которым я, разумеется, совершенно солидарна: «Но лично я надеюсь, что русский язык по-прежнему будет великим, могучим, правдивым и свободным. Ведь «русслиш» никогда таковым не станет». Воистину!

«Пьесу не публиковать и на сцене не ставить». Еще несколько слов о том, как в наше весьма неустойчивое время ранее *непечатное* слово стало *печатным*.

Вообще-то что-либо добавлять к уже мною опубликованному особой нужды нет. Но все же я хочу отметить, что в печати, а также на радио и телевидении постоянно получает отражение озабоченность общества состоянием нашего великого и могучего языка, проникновением в него ненормативной лексики, в том числе и превращением ранее *непечатного* слова в *печатное*.

Относительно недавно в телепередаче «Что делать?», где обсуждались беды современного словоупотребления, ее ведущий В.Т.Третьяков в заключительном слове поведаль своим собеседникам и нам, телезрителям, одну удивительную историю. Пришлось ему недавно возглавить жюри конкурса начинающих драматургов. И вот он *сам лично* выдвинул на получение первой премии

одного из участников конкурса, а затем *собственноручно* вручил ее именно этому конкурсанту (имя его не было нам названо), но с таким примечательным вердиктом: «Пьесу не публиковать и на сцене не ставить». Почему? И хотя эта пьеса, безусловно, написана в безупречном соответствии с законами драматургии, за что автор и получил первую премию, но написана ~~но~~ почти на «матерном языке». По словам самого В.Т.Третьякова, подобная лексика составляет почти половину всего лексического состава пьесы. Конечно, именно это печальное обстоятельство побудило В.Т.Третьякова огласить нам свой справедливый приговор.

Свое заключительное слово на эту тему я хочу закончить басней Б.Заходера «О нахальной горилле», мнение которой разделяю не только я одна:

*Приходила к нам горилла,
Нам горилла говорила:
— А по-моему, приматам
Не к лицу ругаться матом.*

*Кому поверим, россияне,
Своей душе,
Или заморской обезьяне?*

P.S. А о душе россиян при случае поговорим в другой раз.

**Т.А.ИВАНОВА, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Факультета филологии и искусств**

